

4. КАНТ, КЁНИГСБЕРГ, КАЛИНИНГРАД

Й. КОНЕН

(Университет Люксембурга)

Кёнигсбергские поэты эпохи Канта между Востоком и Западом

Достаточно взглянуть на карту бывшей Восточной Пруссии, чтобы убедиться, что Кёнигсберг в географическом, политическом и культурном отношении всегда занимал особое место, и это же в изменившихся условиях можно сказать и о современном Калининграде. Эта в основном сельскохозяйственная территория была в XVIII столетии бедной, малонаселенной и слабо развитой, а город благодаря оживленной торговле и хозяйственной деятельности, а также открытости миру, но главным образом благодаря своему положению города-порта на Прегеле вблизи моря жил за счет того, что являлся складским и перевалочным пунктом. Забытый своим центральным правительством в Берлине, находясь у самой границы гигантской Российской империи и будучи к тому же уже несколько десятилетий прибежищем эмигрантов со всех концов Европы, Кёнигсберг в отличие от остальной территории был густо населенной столицей Восточно-Прусской провинции, административным, экономическим и культурным островком со своим гарнизоном и последним по западным меркам крупным северным бастионом европейской цивилизации, находящимся на долгом пути в необъятные просторы Востока.

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

Провинция Восточная Пруссия считалась отсталой, тяжелой на подъем, неторопливой, но в то же время работающей и надежной провинцией, населенной простым людом — крестьянами, рыбаками, плотогонами, торговцами, ремесленниками и мелкими чиновниками. В Кёнигсберге и его округе проживали ремесленники, торговцы, чиновники, учителя, юристы, банковские служащие, врачи, священнослужители и профессора с ярко выраженной склонностью к трезвой конкретности, к оригинальности мышления, с затаенной ухмылкой и со сдержанным юмором. Житель Восточной Пруссии, говоривший часто на нескольких языках, был, как подчеркивает Фердинанд Грегоровиус, «чистейшим воплощением сугубо прозаической сущности Германии»¹. Островное положение города, удаленного территориально от центра страны, способствовало тому, что здесь со временем сформировался единый замкнутый в себе мир чувств и верований с общественно-политической самодостаточностью, в котором после религиозных столкновений между ортодоксальными протестантизмом и просвещенным пиэтизмом, а также с принятием на поселение изгнанных (главным образом по религиозным мотивам) верующих возникла атмосфера дружелюбной открытости и терпимости, которая уготовила парадоксальным образом этому месту, ставшему средоточием различных цивилизаций, по словам Карла Хейнца Германа, посредническую миссию между двумя противоборствующими течениями: устремленной с Запада на Восток культурой и силовым давлением в обратном направлении. Странно, что красивый, живописный ландшафт с его укрепленными городками и утопающими в зелени дворянскими поместьями, а также богатая традициями столица Тевтонского ордена на Прегеле способствовали лишь в ограниченной мере рождению ярких поэтических личностей. Правда, в первой половине XVII столетия имело место одно блестящее, главным образом лирическое, явление. Воодушевленные композиторами Иоганнесом Экхардом, Валентином Тило и другими, объединились тогда вокруг замка и собора поэты-единомышленники, чтобы в качестве «певцов преходящего»

всей «Тыквенной хижинкой» воспевать в городском одиночестве промозглого северо-востока дружбу и тайну смерти. Гонимые безработицей, чумой, жаждой приключений и тоской по дружбе, эти пришельцы со всех концов света сохраняли дружбу вплоть до самой своей, как правило, безвременной смерти во второй резиденции прусских королей. Композитор Иоганнес Штобиус (1580 — 1646) был родом из Крауденца, гениально одаренный Генрих Альберт (1604 — 1659) — из Лоэнштейна в Фогтланде, Симон Дах (1605 — 1659) — из Мемеля, Роберт Робертин (1600 — 1648) — из Заалфельда. Однако чума и другие болезни вырвали их всех преждевременно из жизни, кружок поэтов распался, и на протяжении целого столетия не было больше ни одной достойной упоминания личности.

Знаменитостей, соприкасавшихся во второй половине XVIII столетия с регионом Кёнигсберга, также можно пересчитать по пальцам, и все они с большим трудом вошли в анналы немецкой литературы. Причину этого следует искать, вероятно, в том, что Кёнигсберг, будучи удаленным от европейских центров административным, торговым и военным городом, с университетом, в котором задавали тон исключительно теологи, философы, юристы и классические филологи, не стал благоприятной средой для высоких поэтических устремлений.

В целом в культурном пространстве Восточной Пруссии того времени следует различать три группы писателей. Первую составляли те, кто был изолирован в своем творчестве и всю жизнь привязан к родному городу или которых город, подобно магниту, втягивал вновь и вновь в свою орбиту. Вторая группа — молодые студенты, взиравшие с надеждой в будущее и ожидавшие от университетского города развития своего таланта и по возможности солидного общественного и профессионального положения, но, не находя здесь желаемого, вскоре покидали его. И, наконец, третью группу составляли немногочисленные местные жители, которым также ни Альбертина, ни общество не обещали никакой перспективы, и они также покидали его в ранней молодости, чтобы никогда боль-

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

ше не возвращаться сюда, и лишь в большом свете, главным образом в западном, достигали славы и почестей. Действительно, ни один поистине значительный писатель, музыкант или художник не возвращался когда-либо в Кёнигсберг, чтобы до конца дней своих отдавать ему свой талант².

Но обратимся к Канту. Известно следующее его высказывание, сделанное им уже в пожилом возрасте в предисловии к «Антропологии»:

«Большой город, центр Империи, в котором находится земельная коллегия ее правительства, имеющий университет (для культивирования наук) и доступ к морской торговле, который благодаря рекам внутри страны, а также расположенным по соседству странам способствует контактам различных языков и нравов, — такой город, как, например, Кёнигсберг на Прегеле, может считаться подходящим местом для пополнения сведений о людях и о мире, последние можно получить, даже и не отправляясь в путешествие»³.

Никто не станет отрицать, что данные строки как нельзя лучше подходят к самому великому сыну Кёнигсберга. Но *genius loci* никогда не ограничивается духом и творчеством отдельных выдающихся умов, проживавших постоянно на одном и том же месте. Холостяк Кант был комфортным, удобным человеком. В своей повседневной жизни он был непритязателен, но позволял своему слуге себя баловать. Молва о «ленивом Канте» имела в виду не только его нерасположенность к написанию писем и общественным работам. Также он не мог по причине от природы хрупкого сложения совершать частые и продолжительные поездки. Ему больше всего импонировали оседлость, покой, тишина, умиротворенность, ощущение домашнего уюта в своем кабинете, в центре города-острова и это удаленное от мирской суеты место, где проживала лишенная чувства уныния и наделенная сдержанной веселостью, трезвая и прагматичная порода людей. Всем этим он наслаждался. Он никогда не испытывал тяги к Западу, скорее он тяготел к Востоку. О нем говорили, что в юные годы поездка в Берлин была для него более обременительной, чем в Ригу. Его брат посещал городскую школу в Митаве, а сам он в семидесятые годы

дважды получал приглашение в только что основанную Академию Петрина в столице Курляндии. Его потребность в чужих странах, в оживленных центрах европейской культуры, его интерес к цивилизациям за пределами Европы были ограниченными. Канта не охватывала прозападная тоска по Парижу, Лондону или Риму. Этим объясняются его многочисленные оригинальные суждения о других народах, в частности о неграх, китайцах и японцах в его «Наблюдениях...»⁴ или в «Антропологии», где он высказывается о русских, считая их вплоть до самой своей старости отсталыми и чуждыми ему⁵. В лице поселившихся здесь эмигрантов-колонистов, в частности французов, шотландцев, англичан, поляков и швейцарцев, а также прибывающего на кораблях и по делам торгового люда были, по его мнению, достаточно представлены далекие страны. Довольствоваться малым было характерно для него даже в интеллектуальной сфере. Книг у него было немного, за исключением Руссо, собрание сочинений которого он имел полное. Это были в основном книги по философии. То, что ему было нужно, Кант мог взять в библиотеке. При этом следует заметить, что вся библиотека Альбертины насчитывала едва ли 8000 томов. Гаман и Лаузон имели каждый больше книг, чем Кант, а Гаман был к тому же гораздо более начитаннее Канта. Вероятно, поэтому в произведениях Канта по сравнению с «северным магом» столь незначительное количество ссылок на других авторов или деятелей культуры. Даже в рамках классической филологии для него большее значение имела латынь. Греческий был в Кёнигсберге не в чести. Манфред Лоссау указал не так давно на то, что Кант никогда не цитирует по оригиналу даже Платона и Аристотеля⁶. Его мышление было принципиально направлено внутрь, он довольствовался собственной философией, так как писал ее в первую очередь для себя. Не случайно в своих контактах в обществе он целенаправленно выбирал людей, которые не были философами и не были знакомы с его философией. Досужим является вопрос о том, мог ли Кант, живи он в другом месте, создать другую философию⁷.

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

Было еще несколько поэтов, которые до вступления магистра Канта на академическую стезю вели столь же малоподвижный, кабинетный образ жизни. Их мышление концентрировалось полностью на том месте, где протекала их профессиональная деятельность. Здесь следует упомянуть прежде всего братьев Иоганна Георга Бока (1698 — 1762) и Фридриха Самуэля Бока (1716 — 1785), которые, будучи университетскими преподавателями поэтического искусства, практиковали поэтическое слово в качестве вынужденного приработка. Оба воспевали, однако, не без гордости естественные и искусственные красоты своей родины. Стихотворения И. Г. Бока⁸, написанные в 1756 году, были полностью посвящены истории и заслугам перед цивилизацией Восточной Пруссии и ее столицы и являются вплоть до сего дня культурно-историческим документом. Бок видит в Восточной Пруссии жемчужину, украшенную тремя главными княжескими фигурами Кёнигсберга и в Кёнигсберге с его торговым потенциалом и богатыми традициями университетом, а также культурную витрину и оплот Пруссии по отношению как к Востоку, так и к Западу. Тем не менее он указывает на стратегическую уязвимость своей родины и является первым, кто в своем смутном пророчестве предвосхитил события, постигнувшие этот город и эту землю спустя два столетия:

«Еще стоит свободный трон, с которого пожар войны,
Столь пагубный державе, не сорвал пока венка,
И серым плотным саваном, предвестником чумы,
Еще не покрылись просторы, а башня не превратилась в руины.
Цел еще храм, но буйный спор, как буря Осиандра,
Уж предвещает скрытую безвременную гибель.
Так ученый спор под видимостью права несправие творит»⁹.

А нижеследующие взволнованные слова его звучат, как кошмарный сон:

«Кто знает, что тебе уготовит в грядущем судьба,
Быть может, поступью варвар пройдет по пепелищу,
И превратятся улиц кварталы, солнечным светом залитые,
В развалины, дымом покрытые, как уж бывало.

Кто знает, как скоро время повергнет твой храм,
И только кустарник колючий будет укором земле,
И там, где теперь процветают торговля, искусство,
Молох и крысы свершат свой отвратный помет»¹⁰.

И как предвосхищение более поздних стенаний Агнес Мигель звучат его строки-заклинания:

«Будь вечно живым, ты, мой избранный город,
Короновала тебя рука самого времени.
Будь оплотом ты мира, наградой юности зрелой.
Воздвигнутым тронем непреходящей добродетели.
Возвышен в чести, исполненный богобоязни,
Ты — город короля, что горе Сион подобен,
Ученьем просветлены и во славу земли
Пусть станут твои слободы предместьем небес!»¹¹

Во время оккупации Восточной Пруссии русскими войсками И.Г. Бок предстал перед общественностью в двойственном свете, потому что он восславил царицу Елизавету в предосудительных стихах. Что касается одаренного Иоганна Готтлоба Кройцфельда (1745 — 1784), близкого друга и почитателя Гамана, то тот умер в возрасте 39 лет.

По-иному мыслили вышедшие на арену незадолго до начала университетской карьеры Канта молодые анонимные издатели журнала «*Дафна*»¹² (1749 -1750). Его ведущие авторы — Иоганн Готтхельф Линднер (1729 -1776), Иоганн Фридрих Лаузон (1727 — 1783), Иоганн Георг Гаман (1730 — 1788), Иоганн Кристоф Вользон (1727 — 1765), Самуэль Готтхельф Геннигс (1725 — 1787), Иоганн Кристоф Беренс (1729 — 1792) и Матеас Фридрих Ватсон (1732 — 1815) — были полными надежд и юмора, дерзко устремленными за пределы своего города-острова и своей удаленной родины на Запад. Не будучи новичками в деле преобразования мира, они ставили пребывающим в спячке жителям Кёнигсберга в упрек то, что у тех отсутствует надлежащее чувство общественного и эстетического вкуса, а также способность выдвинуть из своей среды талантливых писателей, упрекали их в готовности ввиду географической изоляции и отсутствия культурной поддержки

прозябать в филистерски-мещанском провинциализме. Вместе со своими возлюбленными они, обладая удивительной литературной эрудицией, противопоставляли им свой тонкий вкус, искрящуюся остроумием элегантность и утонченные манеры французов, которые были в их глазах идеалом культурной нации. Действуя в этом духе, они пропагандировали чтение порой известных лишь специалистам французских авторов, отличавшихся своей открытостью и сатирическим пафосом, таких как Крелион, Даржон, Сент-Римон, Паскаль, мадам де Дешалье, Версак, Мейкур и Брантом, но в то же время отвергали по религиозным мотивам Вольтера.

Известно, что Линднер, будучи начиная с 1755 г. на протяжении десяти лет ректором соборной школы в Риге, энергично выступал в рамках своих ставших знаменитыми школьных нововведений за изучение современных языков, в особенности французского, а Ватсон стал ректором городской школы в Митаве. Беренс основал в Риге успешно действующее коммерческое предприятие, экономические и политические связи которого простирались вплоть до Англии. Что касается Лаузона, то и он был поклонником французской литературы и сам переводил французские пьесы для театральной труппы Каролины Шух, в том числе «Тартюфа» Мольера. Однако достигнув пожилого возраста, он, много путешествовавший в молодости и будучи холостяком, решил остаться в своем родном городе, укрывшись в своей огромной библиотеке. Себе на жизнь он зарабатывал редактированием и сочинением стихов на случай; и это с единственной целью — стать местным официальным поэтом. Он сочинил несметное количество стихов о родном городе, о богатом своем покровителе, коммерсанте Сатургусе и его знаменитом саде, а также об усадьбах восточно-прусской аристократии; стихи эти по причине их низкого качества обладают в настоящее время ценностью лишь как документальные свидетельства¹³. Некоторые из них являются сегодня единственным источником информации для исторически верного воссоздания некогда существовавших достопримечательностей.

Политику расширения влияния Кёнигсберга на остальной мир смело проводили ведущие книгоиздатели города, и среди них особенно Иоганн Якоб Кантор¹⁴. Этот авантюрного склада, но гениально одаренный книготорговец был первым крупным книгоиздателем в современном смысле этого слова. В разгар Семилетней войны он оставляет книжный магазин Вендлера в Лейпциге и возвращается в Кёнигсберг, чтобы унаследовать книжный магазин отца, расположенный по улице Ланггассе в Альшттаде, причем он сумел с самого начала наладить политические и деловые контакты с русскими, чего, как говорят, Фридрих II после заключения мира не мог ему простить. После смерти отца в 1764 году он переносит свой магазин в старую ратушу Лебенихта и присоединяет к нему среди прочего библиотеку-читальню. Он обладал также даром открывать новые будущие таланты книготоргового дела и решительно поддерживал их. Например, он отговорил имевшего университетское образование Иоганна Фридриха Харткноха от карьеры теолога. Харткнох открыл позже в книжном городе Риге крупный книжный магазин. Якоб Фридрих Хинц, став его компаньоном, осел, как и Харткнох, на Балтике, вернее в Митаве, где он стал во главе еще одного филиала магазина Кантора, сменив на этом посту В.А. Штейдаля, также одного из сотрудников Кантора. Другой помощник, Иоганн Даниель Фридрих, скооперировался с Франсуа Теодором де Лагардом, берлинским книготорговцем, выходцем из Кёнигсберга, и долго управлял филиалом в Либаве. Бывший гравер по меди, Кристиан Людвиг Штальбаум также нашел свой путь в Берлин. Абрагам Якоб Пенцель, географ и переводчик Кассиуса и Страбона, стал книготорговцем в Кракове. Немаловажным обстоятельством для книготоргового дела было то, что, благодаря Кантору, все эти молодые «Гутенберги» принадлежали к масонскому движению, что, ввиду космополитического настроения и солидарнического образа мыслей Ордена, весьма облегчало книжную торговлю по всей Европе. Сам Кантор лично был мощным для своего времени генератором проектов. Он хотел установить связи со всеми книжными центрами Европы

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

— как на Востоке, так и на Западе — и основать под своей эгидой как можно больше филиалов по изданию и продаже книг, оставаясь при этом со всеми бывшими своими сотрудниками в хороших отношениях. Сначала его взгляд был устремлен на Восток. От своего отца, купившего обанкротившееся издательство Базилиуса Корвинуса Квассовского, он унаследовал привилегию торговать русской, польской и словенской книжной продукцией.

Поначалу Кантор открыл важный филиал в Эльблонге. Однако затем он отправился в Вену и далее в Голландию. Путь от Кёнигсберга до Лейпцига он проделывал несчетное количество раз. В 1762 г. он наладил связи с г. Митавой, резиденцией Курляндии, и стал ходатайствовать о привилегиях. Затем он совершил поездку в Санкт-Петербург и намеревался даже достичь Москвы.

Второй проект должен был объединить кёнигсбергский центр и его различные филиалы с главным книжным магазином в Берлине, но из этого ничего не вышло. Его ежегодные каталоги свидетельствуют о том, что он рекламировал вплоть до самого конца оригинальные книги со всех концов Европы, покупал их, давал на определенный срок, отдавал и продавал. Когда Андрей Болотов, очень увлекавшийся книгами, прибыл вместе с русскими войсками в Кёнигсберг, то ему казалось, что в магазинах Кантора он открыл для себя суть западной цивилизации¹⁵. В первую очередь это относится к фирме «Харткнох и сын», основатель которой последовательно проводил в жизнь заимствованную у Кантора идею универсальной книжной торговли и которая стала в области культуры важнейшим мостом между Россией и Германией, простиравшим свое влияние вплоть до Лондона, Парижа и Швейцарии, куда Харткнох неоднократно совершал поездки¹⁶. Без него распространение трудов *Свободного экономического общества*, *Российской академии*, *Экономического общества* в Санкт-Петербурге, трудов Ломоносова, Шлецера и Гадебуша на Западе было бы невозможно. Когда в восьмидесятые годы по причине финансовых издержек предприятию Кантора угрожа-

ло банкротство, Кант публиковал свои самые значительные произведения исключительно только у Харткноха. Но как бы там ни было, никто не сумел, кроме Кантора, наладить широкомасштабное сотрудничество, преследовавшее цель, с одной стороны, распространить влияние города на Прегеле далеко за свои пределы, а с другой — привлечь в столицу Восточной Пруссии самые последние веяния европейской культуры. Представляется символичным, что знаменитый портрет Канта кисти Беккера, который некогда висел в магазине у Харткноха, был спасен из горящего Кёнигсберга фирмой-наследницей «Грефе и Унцер» как единственная оригинальная ценность, и сегодня его можно видеть в Национальном музее имени Шиллера в Марбахе.

То, что сделал Кантор в великолепном стиле на коммерческом поприще, Иоганн Георг Гаман совершил на поприще глубоко духовном благодаря лишь влиянию одной своей личности. У него, собственно, было много общего с Кантом: он родился в Кёнигсберге, вырос в скромной, набожной семье, любил свой родной город, уютность места, веселую провинциальную атмосферу, холостяцкий комфорт, долгое время соблюдал дистанцию по отношению к противоположному полу и с ранних лет испытывал тягу к чтению и философскому раздумью. Но на этом параллель заканчивается. Ибо домосед Гаман был парадоксальным образом одновременно и в высшей степени беспокойным, крайне чувственным, склонным к авантюрам и космополитизму мыслителем. Как универсальный ученый, он был в принципе открыт любому новшеству и любому знанию. Как глубоко верующий человек и правдоискатель, видевший в Боге «писателя», книгу о мире которого должны читать простые смертные¹⁷ с тем, чтобы с момента своего падения во грех, разбирая ее по буквам, вернуться вновь к своему первоначалу, он пытался и умом, и душой как можно больше понять из этого творения. Отсюда у Гамана, в отличие от Канта, — своя личная гигантская библиотека, в которой были представлены многие литературы и культуры; основательное изучение важнейших древних и новейших язы-

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

ков вплоть до арабского; глубокое понимание древности, Библии, французской, английской и итальянской литературы и философии; критическое отношение к теологическим и философским течениям, всесторонность интересов и, наконец, хорошо развитая музыкальность. Имея, как и Кант, хрупкое сложение, он тем не менее, влекомый интеллектуальным любопытством, пренебрегая трудностями и опасностью, совершал длительные поездки как на Восток, так и на Запад, чтобы узнать чужие страны и иные культуры. В пятидесятые и шестидесятые годы Гаман в поисках заработка *объездил всю Прибалтику*, и у него было порой такое впечатление, что он находится «все время в России». Не случайно он «меняет свою веру» в Англии и весьма символично, что умирает Гаман как паломник за правдой, на пути к единомышленникам в чужой стране, в Мюнстер в Вестфалии, и там находит свой последний приют (сейчас это место находится вблизи городского автобана, здесь расположена банальная парковочная автомобильная площадка, окутанная выхлопными газами современных автомобилей).

Обладая острым и критическим мышлением, как Кант, Лессинг или ненавистный Вольтер, чувством юмора, иронией и самоиронией, Гаман способствовал распространению идей Просвещения, мужественно ставя под сомнение и политические порядки.

Но его жаждающее веры и преданное христианству сердце чувствовало острее, чем Кант, реагировало эмоциональней, иронично принимая противоречия, относясь с недоверием как к рассудку, так и разуму, но зато, словно поэтический провидец, он обращался, полный предчувствий, к Богу. Он вызывал глубокое восхищение Жана Поля. Душа Гамана и его чувства принадлежали Кёнигсбергу, но его интеллект умел быть гибким и естественным везде. Все же нужно сказать следующее: Кант, как величайший *мыслитель*, оказывал влияние из Кёнигсберга, а Гаман был универсальным *умом* Германии XVIII столетия! В этом смысле следует понимать и то, что он как никто другой сумел поставить под сомнение грандиозное сооружение Кантовой мысли. Однако самому Канту — и это его втайне заде-

вало — никогда не хватало смелости ответить на эту критику. Настоящими друзьями они не были никогда!

Но между обоими, если можно так выразиться, стоял Теодор Готтлиб фон Гиппель (1741 — 1796) — не только в качестве их личного друга, но также в смысле духовном. Гиппель был родом из центральной Восточной Пруссии и оставался пруссаком. Как и Кант, он любил оседлость. В своей жизни он только дважды путешествовал: один раз в молодые годы в Петербург, где его ожидала блестящая карьера, от которой он после некоторого раздумья отказался, а второй, уже в зрелом возрасте, в Берлин и Саксонию — вот и все. По причинам профессиональной карьеры он со временем окончательно поселился в своей родной провинциальной столице. Будучи довольно тщеславным градоначальником, он вскоре стал авторитетнейшим и грозным управляющим администрацией, которую держал железной рукой и, подобно Канту, Краузу, Гаману и Лаузону, вынужден был довольствоваться тем кругом общения, который сложился в Кёнигсберге. Королевский чиновник высшего ранга, местный политический деятель, юрист, судья и масон, он обладал острым умом, искусством точных формулировок и способами их выражения, а также выдающимся организаторским талантом. И, наконец, он также не был женат, но, как и Кант, был галантным кавалером по отношению к женскому полу. Но, с другой стороны, Гиппель испытывал нечто вроде тайной ностальгии по Востоку, по Балтике и Курляндии и в особенности по России. Однако *genius loci* не отпускал его. Его личность сама по себе оказывала влияние на Кёнигсберг в эпоху Канта в большей степени, чем это принято было считать до сих пор¹⁸. Однако — в полную противоположность Канту и ощущая в глубине души родство с Гаманом — он страдал от раздвоенности между рационализмом и окрашенной пиэтизмом религиозностью. Ни один выходец из Кёнигсберга ни до ни после него не боролся с судьбою смертных и за существование Бога и бессмертия, как Гиппель. Этим обусловлены, как и в случае с Гаманом и Лаузоном, его разносторонняя начитанность и знание наследия европейской культуры, особенно

Античности и Возрождения, а также французских, английских и итальянских поэтов, философов, теологов и юристов XVII и XVIII столетий, принципиальное недоверие к рассудку и разуму, агрессивная темпераментность по отношению к мнимому злему, к посредственности в политике и в науке. Принципиальная открытость и прагматический интерес побуждали его к интеллектуальной и практической деятельности во всевозможных областях, причем его деятельность носила, с одной стороны, непосредственно местный, или региональный, характер, а с другой — затрагивала общечеловеческие проблемы. Так, в «Очерках жизни по восходящей линии» (*Lebensläufe nach aufsteigender Linie*), в «О походах вдоль и поперек рыцаря от “А” до “Я”» (*Kräuz- und Querzüge des Ritters A bis Z*) и в «Рукописных заметках под диктовку природы» (*Handaufzeichnungen nach der Natur*) он говорит о любви к родному городу и Восточной Пруссии с их общественными, политическими, культурными и педагогическими проблемами, а в письмах и автобиографических заметках — о любви к обоим великим могущественным государствам на Востоке, а именно Пруссии и России, которых он, как и их правителей, объективно сравнивает, выявляя недостатки и преимущества. Со времен своей юности Гиппель испытывал в этом отношении колебания между своей преданностью и привязанностью к небольшому, но в административном, юридическом и военном отношении строго организованному и окрыленному верой в прогресс королевству Пруссия и восхищением гигантской, сравнимой с «грубым комом земли» русской нацией¹⁹, с ее прирожденными и беззаветно преданными своей родине солдатами; с нацией, которая находится лишь в «первой стадии» своего могущества и которая потрясет Европу и мировую историю, как только настоящему «проснется», и, вероятно, «создаст проблемы» прежде всего для самой Пруссии²⁰. Правда, он видит в широко раскинувшемся русском государстве нечто почти абсурдное и полагает, подобно Фридриху Второму, что эта страна падет жертвой собственных масштабов, говоря следующее: «Это государство, конечно, не первое, ставшее по причине своих

раздоров меньше. Я все время думаю о Голиафе и маленьком Давиде, когда сравниваю Россию и Пруссию»²¹. В «Автобиографическом очерке по восходящей линии» герой Александр, поступивший на службу в русскую армию, восклицает, имея в виду Фридриха II и Екатерину II: «Если эта царица объединится с королем Пруссии: Мир! Что с тобой будет?»²² Вновь и вновь Гиппель после чтения Руссо и размышлений над экспериментами с парламентаризмом английской монархии и молодой американской демократией ставит вопрос об идеальной форме государственного правления, при этом он, имея в виду совершенствование человечества в далеком будущем, хотя и выражает свои симпатии к истинно просвещенной монархии, тем не менее говорит о далеко идущих демократических преобразованиях по западному образцу и не исключает республиканскую форму государственного правления. В этом смысле он высказывается в адрес своего друга Канта и его ученика Краузе, которые, по его словам, ничего не поняли во Французской революции, и отказывает им в политическом чутье, говоря, что они не способны управлять даже «каким-либо курятником»²³. Также и в женском вопросе его мышление переносится в сферу универсальных ценностей. В книге «О браке» (Über die Ehe) и в статье «О гражданском воспитании женщин» Гиппель требует самых радикальных общественных и профессиональных реформ, которые стали возможными лишь в наше время. Нечто подобное можно сказать также и относительно духа его многочисленных статей по юридическим и административно-практическим вопросам. В своем городе он с помощью конкретных мер реорганизовал в западном духе систему помощи бедным, сиротские приюты, школьную систему, полицию и пожарную службу — настолько, что они сохранились вплоть до начала Второй мировой войны. Таким образом, этот философ-популяризатор, воспринимавший вместе с Гаманом, как об этом свидетельствует сатирическая сцена экзамена во втором томе «Биографических очерков...», скептически теорию познания Канта и с должным уважением относившийся к западноевропейской мысли²⁴, находясь в Кё-

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

нигсберге, вопреки местным условиям был гражданином мира в современном смысле этого слова.

К чему-то подобному стремился и давний задушевный друг Гиппеля Иоганн Георг Шеффнер (1736 — 1820). Однако последний, будучи поверхностным, лишенным глубоких душевных переживаний графоманом, во всех отношениях уступал ему. Шеффнер не любил Кёнигсберг, отвергал также путешествия и, благодетельствованный материальным успехом, проводил большую часть времени в своих поместьях, в Штольценберге под Данцигом или в Шприндлаке, Эберсвальде или Таплакене; и лишь в 1795 году он, став видным землевладельцем, возвращается в город, чтобы провести остаток жизни в кругу подобных себе высокопоставленных особ. Он был очень начитан, знал античную и насыщенную идеями французскую литературу, Монтеня и поэтов *gréciosité*, которым он подражал, особенно Жану Батисту Иосифу Вилларту де Грекуру (1683 — 1743); их он использовал, чтобы, подражая им, с чувством иронического самодовольства наводнить рынок анонимными сборниками плоских и пошлых стихов²⁵. При этом Шеффнер пытался, не без тщеславия, общаться с известными своими современниками по Просвещению, в том числе и с Кантом, соблюдавшим по отношению к нему вежливую дистанцию, и выступать в роли своего рода «второго солнца», оказывая влияние на подрастающее поколение²⁶.

Однако следует рассказать и об уехавших из Кёнигсберга. И здесь достойны упоминания прежде всего трое, а именно: Иоганн Фридрих Рейхард, Иоганн Готтфрид Гердер и Якоб Михаэль Рейнгольд Ленц. Все трое были в юности почитателями Канта, а также русской нации, от мнимо просвещенных правителей которой они, по своей политической наивности, ожидали глубоких преобразований. «Единственно господину профессору Канту, — признается Рейхард, — я обязан тем, что, начиная с юношеских лет, не вступил на унижительный путь большинства художников нашего времени, а также его академическим урокам, которые он мне по своей доброй воле

и три года подряд совершенно бескорыстно давал, я обязан тем счастьем, что смотрю с самого начала на искусство с его истинной и высшей точки зрения, а также еще большим счастьем иметь возможность с пользой для себя изучать его бессмертные труды»²⁷. Однако, обладая беспокойным, непостоянным характером, он не нашел в своем родном и скучном для него городе, а также в университете ничего, что могло бы способствовать развитию его исключительного таланта к музыке. Сам Кант один не смог удержать его на месте. После долгих скитаний по Прибалтике и Польше он пробивается в конце концов на Запад, где окончательно находит себя и делает блестящую карьеру в качестве дирижера. Одновременно он пишет и стихи. Но в Кёнигсберге он никогда не дирижировал.

Подобное же испытал и молодой Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803). Едва достигнув 17 лет, он, будучи чрезвычайно трудным учеником Себастьяна Фридриха Трешоса, покидает в мае 1762 года Морунген и, окрыленный надеждами, прибывает в Кёнигсберг, а 22 ноября 1764 года, глубоко разочарованный, в сопровождении Гаманна покидает через Росгартенские ворота нелюбимое место, и уже навсегда. Он также восхищался лекциями Канта, а в лице «северного мага» нашел близкого себе по духу друга и ментора, который открыл ему его истинное призвание правдоискателя и поэта. Но и Гердера не удовлетворяли обе столь различные великие личности, чтобы удержать его на самом востоке Европы. Они были для него всего лишь духовными проводниками, учителями, советчиками, указующими ему путь, который он должен был пройти сам. Того, кем он в конце концов стал, Гердер достиг независимо от них, пребывая в западных весях и культурах. Но особо большого счастья он, как и Рейхард, не испытал.

С упомянутым выше Ленцем произошло то же самое. Сын лифляндского пастора Ленц, испытывавший с самого начала внутреннее раздвоение, пытается с 1768 года найти свое предназначение в единственном восточнопрусском университете и убивает три года, пребывая в качестве досужего, наивного студента в среде шумных и пьющих своих земляков. Он также

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

видел в молодом Канте исключительного гения, сравнивал его с многочисленными знаменитостями французской духовной культуры²⁸. Но затем беспокойный и необузданный темперамент повлек его в ту же самую Францию и в тот же самый Веймар, как Гёте и Гердера, с тем, чтобы потом его, не добившегося успехов и не достигнувшего цели, волны судьбы прибили вновь на Восток, где он, попав в Москву, погиб.

Вот так все трое остались в конце концов интеллектуально и духовно без родины. Ни мощный ум, положивший начало современному мышлению, ни гениальный дар poeta vates не помогли им обрести на пути к божественному первоначалу внутренний покой истинных мудрецов; правда, и вся остальная Европа тоже. А Кёнигсберг был для них всего лишь начальным или промежуточным звеном.

Стареющего Канта застало еще одно молодое поколение. Но Кант, духовные и физические силы которого пошли на убыль, не мог уже оказать на него по-настоящему сильного влияния, как, впрочем, и остальной преподавательский состав университета, который к тому же на исходе века Просвещения пришел в большой упадок. В первую очередь речь идет об ослепнувшем уже в двадцатилетнем возрасте Людвиге фон Бачко (1756 — 1823), который по причине своего физического недостатка был всю жизнь прикован к одному месту и к письменному столу. С большим трудом этот обремененный на жизнь и окружение человек, как и его товарищ по несчастью Конрад Пфеффель в Кольмаре, приобрел с помощью других людей огромные знания. В лице общительного Гамана он имел понимающего друга, а что касается местных светил Канта и Гиппеля, то он полагал, что те избегают общения с ним по причине его инвалидности. По своему мироощущению Бачко корнями был связан с родиной, интеллектуально он принадлежал к остро критически настроенным представителям позднего Просвещения, а как поэт склонялся постепенно к набирающему силу романтизму, этому наследию уходящего столетия, но и в то же время он был провозвестником столетия грядущего. Как историк и биограф Бачко, несмотря на свою сле-

поту, достиг прямо-таки невероятного в знаниях, касающихся Восточной Пруссии и Кёнигсберга²⁹. Как эпический писатель он является автором самых смелых общественно-критических романов в Германии, а как новеллист был автором огромного числа фантастических коротких рассказов в духе Гофмана³⁰. В качестве профессора университета, погруженный в вечную тьму и обреченный на неподвижность, он доказал, что ум и фантазия не нуждаются в путешествиях, чтобы быть везде как у себя дома.

К родному месту был также привязан, но уже по другим причинам Иоганн Михаэль Гаман, сын «северного мага». Буквально с детских лет отец муштровал его в иностранных языках, в чтении латинских и греческих авторов и текстов на еврейском языке. Впоследствии он стал выдающимся педагогом, а в конце жизни даже директором богатой традициями латинской школы в Альтштадте. Однако его особая любовь — лирическая поэзия; он был первым, кто вопреки другому мнению поднял ее в Кёнигсберге на большую высоту. Более того, до появления Агнес Мигель И.М. Гаман был, без сомнения, самым значительным поэтом-лириком Кёнигсберга³¹. Его интеллект не был устремлен в большой свет, а тем более в Западную Европу и к ее культурам. Свою единственную поездку он совершил с отцом в г. Мюнстер, где последний и умер. С самой своей юности он, как и его отец, изъявил желание при поддержке известной в Кёнигсберге графской семьи Кайзерлингов в качестве гофмейстера выехать только в Прибалтику, особенно в Курляндию, а затем его вновь потянуло в родной город, где он и жил с многочисленным семейством до своей безвременной смерти.

Отличие от «северного мага» И.М. Гаман не стал ни просветителем, ни философом — ни Сократом, ни Диогеном, ни ученым, ни поэтом-пророком, умеющим читать книгу природы и учиться у нее, из него вышел лишь скромный, недовольный жизнью певец, сохраняющий беспомощную дистанцию по отношению к молчащему Богу. Его мысли и чувства сливались с тишиной просторов Балтийского моря, которые он воспевал то как запоздалый анакреонтический поэт, то подражая поэзии «тык-

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

венной хижины» Симона Даха в глубоко меланхолических, пронзанных мыслями о смерти фантастических стихах.

Точно таким же меланхоличным, но внутренне очень противоречивым, склонным к провокационным поступкам, эгоистично-авантюрным и чрезвычайно чувственным по своему характеру был Захариас Вернер, сын известного в городе профессора права и страдавшей религиозной манией женщины. Он также не знал, продолжать ли ему учебу на юридическом факультете и как общаться со своими учителями Кантом и К.Е. Мангельсдорфом. Попадая из одного скандала в другой, он уже в юношеском возрасте по причине своего беспорядочного образа жизни был выслан из родного города. Вопреки своей глубокой привязанности к мрачноватым и устремленным в будущее просторам северного Востока³² Вернер напрасно искал счастья среди самых различных слоев населения, религий, масонских и политических движений; он был типичным представителем зарождающегося романтизма, для которого в городе на Прегеле не могло быть места.

И, наконец, еще одна известная личность, тоже рано покинувшая этот город. Нужда в заработке, внутреннее смятение и стремление к своему еще неизвестному высокому предназначению позвали в дорогу на Запад, в новый мир романтических чувств и чаяний, еще одного универсального гения — Эрнста Теодора Амадея Гофмана. Там он стал видным юристом, известным дирижером и композитором и, наконец, всемирно известным прозаиком, единственным в своем роде из тех, кого когда-либо дал город Кёнигсберг, не приложив к этому — за исключением трудно идентифицируемых реминисценций в юности — никаких усилий к развитию его таланта. Даже своим великолепным языком он не обязан Кёнигсбергу. Гофман, как и Рейхард, никогда не дирижировал в Кёнигсберге!

* * *

Кёнигсберг Иммануила Канта — во время расцвета города на Прегеле в последнее сорокалетие века Просвещения — показывает пеструю мозаику самых различных индивиду-

альностей. Так называемых течений, групп или школ здесь не было. Мощные умы развивались здесь более или менее самостоятельно, и это всегда составляло прелесть данного места. Парадоксальное сочетание географически изолированного островка культуры и в то же время открытость миру, в торгово-экономическом отношении более, чем где-либо, создавало условия для особого развития каждой личности в зависимости от жизненных перепитий, потребностей и темперамента; но сам город был лишь в малой степени в состоянии способствовать осуществлению этих перспектив или доводить их до зрелого уровня. Пример Канта и Гамана доказывает, что отдельные великие личности, какие бы противоположные доводы ни приводились, творят лишь сами по себе и для себя и в большинстве своем решительно не в состоянии удержать других, что в условиях изоляции и замкнутости на себе лишь некоторые способны создать нечто поистине великое, такое, что переживает века или что в далеком будущем получит признание, преодолев региональные рамки. Кёнигсберг не был Парижем, Лондоном, Римом, Петербургом или Москвой, да и не мог ими никогда стать. Он не стал и Веймаром! Уже в дневнике Иоганна Абегга³⁴ сообщается, на каком уровне в конце столетия в условиях интеллектуальной изоляции в действительности находился Кёнигсберг, а опубликованная недавно переписка между Рудольфом Унгером и Артуром Вардой подтверждает, что на протяжении еще добрых ста лет мало что здесь изменилось. И в этом смысле Калининград сегодня — опять-таки парадоксальным образом — имеет поистине уникальный исторический шанс, чтобы могли получить подтверждение следующие слова Агнес Мигель: «Кёнигсберг! Пусть ты станешь бессмертным!..»³⁵

Перевод с нем. И.Д. Концева

---

¹ Vgl.: *Ferdinand Gregorovius // Ostpreußen in 144 Bildern. Geschichtliche Darstellungen von Emil Johannes Gutzzeit. Verlag Gerhard Rautenberg, 6. Unveränderte Auflage, Leer, 1996, S. 109.*

4. Kant, Kёnigsberg, Калининград

---

² *Karlheinz Gehrman*. Kant und Kёnigsberg. Im Gedenken an Kurt Stavenhagen // Ostbrief, Lüneburg (Mai), 1955 (Mitteilungen der Ostdeutschen Akademie Lüneburg). S. 37.

³ *Immanuel Kant*. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht // Kant-Gesammelte Schriften / Hrg. von der Kёniglich — PreuBischen Akademie der Wissenschaften. Berlin und Leipzig, 1900—1955, 1. Abth.: Werke, 7. Bd., 1917. S. 120f.

⁴ Ders.: *Beobachtungen* über das Gefhl des Schёnen und Erhabenen, Vierter Abschnitt // Kant's gesammelte Schriften. Werke. Bd. II. Vorkritische Schriften II. Berlin, 1912. S. 252ff.

⁵ Ders.: *Anthropologie*. 2. Theil. S. 319: „Da Russland das noch nicht ist, was zu einem bestimmten Begriff der natrlichen Anlagen, welche sich zu entwickeln bereit sind, erfordert ist...“

⁶ Vgl.: *Manfred Lossau*. Klassische Philologie an der Albertina zur Zeit Kants // Beitrge zu einem besonderen Kapitel der deutschen Geistesgeschichte des 18. Jahrhunderts. Begrndet und herausgegeben von Joseph Kohnen, Peter Lang. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1994. S. 65—79.

⁷ Vgl. Dazu: *Endre Kiss*. «...Eine groe Stadt, der Mittelpunkt eines Reichs...» oder: Kommt das Licht aus Kёnigsberg? // Kёnigsberger Beitrge. Von Gottsched bis Schenkendorf. Herausgegeben von Joseph Kohnen, Peter Lang, Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; Bruxelles; Oxford; Wien, 2000. S. 119—138.

⁸ *Johann Georg Bock*. Gedichte. Kёnigsberg, druckts und verlegt Johann Heinrich Hartung, 1756.

⁹ Ebenda. S. 279.

¹⁰ Ebenda. S. 310.

¹¹ Ebenda. S. 312.

¹² Vgl.: *Daphne*. Nachdruck der von Johann Georg Hamann, Johann Gotthelf Lindner u.a. herausgegebenen Kёnigsberger Zeitschrift (1749—1750). Mit einem Nachwort von Joseph Kohnen. Regensburger Beitrge zur deutschen Sprach — und Literaturwissenschaft. Herausgegeben von Bernhard Gajek, Reihe A: Quellen. Bd. 15. P. Lang. Frankfurt a.M.; Bern; New York; Paris, 1991.

¹³ *Johann Friedrich Lauson* Erster und Zweeter Versuch in Gedichten / Bey Johann Friedrich Driest. Kёnigsberg, 1753f.

¹⁴ Vgl.: *Joseph Kohnen*. Druckerei-, Verlags- und Zeitungswesen in Kёnigsberg zur Zeit Kants und Hamanns. Das Unternehmen Johann Ja-

kob Kanters // Königsberg. Beiträge. S. 1—19; *Angelo Pupi*. Die Anfänge der Königsbergischen Gelehrten und Politischen Zeitungen (Februar — Mai). Ebenda. S. 21—54.

¹⁵ *Leben* und Abenteuer des Andrei Bolotow von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben. Verlag C.H. Beck. Erster Band. Leipzig, 1989. S. 316ff, 345f, 375; *Joseph Kohnen*. Andrej Bolotows Königsberger Aufzeichnungen (1758 —1762) im Blickfeld der ostpreussischen Literaturgeschichte // Publications du Centre Universitaire de Luxembourg, Germanistik, Fasciule VI. Luxemburg, 1994. S. 3ff.

¹⁶ Vgl. Dazu: *Joseph Kohnen*. Hippels Russland-Bild // Königsberger Beiträge, S.145ff.

¹⁷ Ders.: «Gott ist ein Schriftsteller worden» // Publications du Centre Universitaire de Luxembourg, Germanistik, Fscicule IV. Luxemburg, 1993. S. 27ff.

¹⁸ Vgl.: *J. Kohnen*. Theodor Gottlieb von Hippel. Eine zentrale Persönlichkeit der Königsberger Geistesgeschichte. Biographie und Bibliographie. Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk. Lüneburg, 1987.

¹⁹ *Theodor Gottlieb von Hippel*. Sämtliche Werke. Georg Reimer, Berlin 182ff., Bd. XII, 114; dazu *J. Kohnen*. Hippels Russlandbild. S.151ff.

²⁰ Ebenda, S. 115—119.

²¹ Ebenda, S. 121.

²² Ders.: *Lebensläufe* nach aufsteigender Linie. SW IV. 256f.

²³ Ders. SW XII, 275.

²⁴ Ders.: *Lebensläufe* nach aufsteigender Linie. SW II, 139ff.

²⁵ Vgl.: *J. Kohnen*. Theodor Gottlieb von Hippel. Eine zentrale Persönlichkeit... S. 62ff.; ders.: *Lyrrik* in Königsberg. 1749—1799. Regesburger Beiträge zur deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft, Reihe B/ Untersuchungen 74, P. Lang, Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2000. S. 159—193.

²⁶ Vgl.: *F.J. Schneider*. Theodor Gottlieb von Hippel in den Jahren von 1741 bis 1781 und die erste Epoche seiner literarischen Tätigkeit, Taussig und Taussig. Prag, 1911; *Arthur Plehwe*. Johann Georg Scheffner: Diss. Königsberg, 1936; *Arthur Warda*. Der Anlaß zum Bruch der Freundschaft zwischen Hippel und Scheffner // *Altpreußische Monatsschrift*. 52 (1916). S. 269—281; *Johannes Sembritzki*. Scheffner — Studien // *AM*. 48 (1911). S. 370—377.

²⁷ *Walter Salmen*. Johann Friedrich Reichardt. Komponist, Schriftsteller, Kapellmeister und Verwaltungsbeamter der Goethezeit, Freiburg i. Br.; Zürich, 1963. S. 24.

4. Кант, Кёнигсберг, Калининград

---

²⁸ *Lenzens Gedicht auf Kant // J. Kohnen: Lyrik in Königsberg. S. 117—121.*

²⁹ Vgl.: *Ludwig von Baczko. Versuch einer Geschichte und Beschreibung der Stadt Königsberg. Kgsbg. 178ff.; 2 Aufl. 1804; Geschichte Preußens. 6 Bde. Kgsbg., 1792—1800 u.a.m.; Geschichte meines Lebens. 3 Bde. Kgsbg., 1824; dazu die Herausgabe einer Reihe von Zeitschriften wie das Preußische Tempe (1780—1782), das Preußische Magazin (1782), die Annalen des Königsreichs Preußen (1792—1793) und das Wochenblatt für den Bürger und den Landmann (1795—1796).*

³⁰ Vgl. ders.: *Karl von Adlerfeld. Elbing, 1786; Die akademischen Freunde. Eine Geschichte in Briefen, Hartung. Kgsbg.; Leipzig, 1783; Müller der Menschenverächter und seine fünf Töchter. Hartung, Kgsbg., 1788; Abenteuer eines Maurers, zur Warnung für Gewihete und Profane, Lagarde und Friedrich. Berlin; Libau, 1788; Leben und Leiden meines Veters Jonathan Eiche, von Benjamin Eiche, Kaufmann und Malzenbrauer zu Tilse in Preußen. Kgsbg., 1790.*

³¹ Vgl. diesbezüglich: *Johann Michael Hamann. Gedichte. Nachdruck der Erstausgaben. Mit einem Vorwort von Joseph Kohnen in Zusammenarbeit mit Reiner Wild, P. Lang. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1993.*

³² Vgl.: *Zu Leben und Werk Zacharias Werners, Gerhard Kozielk: Friedrich Ludwig Zacharias Werner. Sein Weg zur Romantik. Breslau, 1963; ders.: Das dramatische Werk Zacharia Werners. Breslau, 1967; Louis Guinet. Zacharias Werner et l'esoterisme maçonnique, These Lettres. Paris; Caen, 1961; La Haye; Paris, 1962; ders.: De la Franc-Masonnerie au Sacerdoce ou La Vie romantique de Friedrich Ludwig Zacharias Werner (1768—1823). Etude biographique. These complementaire. Paris, 1961; Caen, 1964; Goedeke. VI. 90—95; ADB, 42, S. 66—74.*

³⁴ Vgl.: *Renata Knoll. Johann Georg Hamann 1730—1788. Quellen und Forschungen // Schriften der Universitätsbibliothek Münster. Verlag Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen. Bonn, 1988. S. 209—219.*

³⁵ *Agnes Miegel. Abschied von Königsberg // Sem Simkin. Swet ty moy jedinstwennyj / Du mein einzig Licht. Gedichte Königsberger Dichter. Zusammengestellt und übertragen von Sem Simkin. Kaliningrad, 1993. S. 119f., 257.*